

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6873408>

УДК 821.161.1

Кушлак В.О.

Кушлак Виктория Олеговна, Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. E-mail: victoria0999@mail.ru.

Свет и цвет в поэзии Георгия Иванова: на примере поэтического сборника «Вереск»

Аннотация. В настоящей статье исследуется роль света и цвета в ранней лирике Георгия Иванова на примере поэтического сборника «Вереск». Проанализирован поэтический сборник «Вереск», изданный в конце 1915 года, как новое литературное явление. В частности, в статье рассматривается то, как особенности мышления поэта через взаимодействие и синтез цветов отображаются в лирике Г. Иванова. Сквозной анализ стихотворений из сборника показывает, как цветопись и красочные фактурные образы служат для создания замкнутого хронотопа «Вереска», в то время как конкретные цвета отмечают поэтические акценты. Результатом исследования являются доказательства того, что существует определенная эволюция семантики цвета, которая ярко выражена на примере взаимодействия золотого и желтого цветов во всем поэтическом сборнике «Вереск» Г. Иванова.

Ключевые слова: лирика, контраст, синтетизм, акмеизм, цветопись, семантика цвета.

Kushlak V.O.

Kushlak Victoria Olegovna, Lomonosov Moscow State University, Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, GSP-1, Leninskie Gory, 1, p. 51. E-mail: victoria0999@mail.ru.

Light and Color in the poetry of Georgy Ivanov: on the example of the poetry collection «Heather»

Abstract. This article examines the role of light and color in the early lyrics of Georgy Ivanov on the example of the poetry collection "Heather". The poetic collection "Heather", published at the end of 1915, is analyzed as a new literary phenomenon. In particular, the article examines how the peculiarities of the poet's thinking through the interaction and synthesis of colors are displayed in the lyrics of G. Ivanov. An end-to-end analysis of poems from the collection shows how color painting and colorful textured images serve to create a closed chronotope of "Heather", while specific colors mark poetic accents. The result of the study is evidence that there is a certain evolution of the semantics of color, which is clearly expressed by the example of the interaction of gold and yellow colors in the entire poetry collection "Heather" by G. Ivanov.

Key words: lyrics, contrast, synthetism, acmeism, color painting, semantics of color.

Важнейшую роль света и цвета в художественной системе Георгия Иванова неоднократно отмечали как современники, так и поздние исследователи его творчества. Так, например, В. Крейд, автор книги о жизни и творческом пути этого поэта в серии «ЖЗЛ», выводит следующую формулу: поэзия Г. Иванова –

«поэзия о внутреннем свете» [2, с. 151]. Пестрота и многоцветность стихотворений петербургского периода призваны воплощать художественное мировосприятие поэта, имевшего склонность к живописи («Учитель находил у него талант и прочил ему карьеру живописца» [3], – как пишет В. Крейд о времени обучения маленького

Юры Иванова (домашнее имя) во Втором петербургском кадетском корпусе). Чрезвычайно показателен и сочувственный отзыв современника поэта Константина Липскерова, одним из первых откликнувшегося на сборник «Вереск», о котором далее пойдет речь, таким образом: «Учась инструментовке стиха у Верлена, простоте – у Кузмина, уменью изображать – у фламандских художников, японцев и рисовальщиков по фарфору и пройдя, несомненно, через декоративные узоры Сапунова и Судейкина (вообще на Иванове интересно проследить влияние живописи на поэзию), Георгий Иванов приближается к полному овладению собственным стилем» [1]. Действительно, в структуре сборника немалое место занимает именно «изобразительный» цикл, а центральным его нервом становится определенный способ мировидения: вселенная воспринимается как картина во всей её детальности, красочности и сложной игре светотени.

Юлий Айхенвальд, критично охарактеризовавший сборник «Вереск» как «не книгу, а только искусное «книжное украшение»», тем не менее довольно точно отмечает источники вдохновения и особенности стиля Г. Иванова: «Народный „Вереск”» Георгия Иванова воспеваает красивые старинные вещи, *nature morte*, «фламандские панно», старый дедовский кисет со «слезинками бисера» <...>. Г. Иванов чувствует краски, их яркие и блеклые тона, стиль немых предметов. У него — четкий версификаторский почерк, мастерство рисунка; на рисунок пером, на грациозную виньетку похожи многие его стихотворения <...> [1]. Страсть поэта – изобразительное искусство – неизбежно повлияла на способ создания художественной реальности, отразившей внутренние противоречия творца.

Поэтический сборник «Вереск», изданный в конце 1915 года московским издательством «Альциона», имел подзаголовки «Вторая книга стихов», хотя фактически это была уже четвертая поэтическая книга Г. Иванова («Отплыть на о. Цитеру» (1912), «Горница» (1914), «Памятник

славы» (1915)). Данное обстоятельство напрямую повлияло на структуру «Вереска»: сборник был составлен из двух частей, последняя из которых была собрана из первой части малотиражной «Горницы». Новое литературное явление было встречено, скорее, с преобладающей долей критики, хотя и положительные оценки, безусловно, звучали. Так, общим местом стало рассуждение о том, что настоящим поэтом Г. Иванов не станет, потому что поэзия его холодна и бездушна, однако стиль изысканный, хотя и подражательный, а техника безупречна. Тем не менее, ретроспективно оценивая сборник «Вереск», критики смогли увидеть в нем нечто стоящее (как, например, Г. Адамович). По мнению А. Арьева, в определенной степени подобному эффекту способствовала вышеуказанная особенность структурной организации книги: «При такой композиции говорить об эволюции поэта можно, разве что прочитав сборник от конца к началу. Нормальному читателю в глаза бросается на поверхности лежащий эклектизм молодого поэта, его глубинная эволюция в сторону себе довлеющего эгизма не угадывается» [5]. Вмениялся в вину Г. Иванову и отстраненный эстетизм, и рафинированная любовь к старине, однако сборник «Вереск» вдохновлен абсолютно искренней ностальгией поэта по XVIII веку (особенно если принять во внимание его неподдельную любовь к произведениям мировой художественной культуры). Акмеистически алчный по отношению к деталям и вещам взгляд Г. Иванова создает уютный поэтический мир старинного быта, обращаясь к опыту французских и фламандских живописцев. Значимыми оказываются имена Клода Лоррена («Как я люблю фламандское панно») и Антуана Ватто («О, празднество на берегу, в виду искусственного моря»). Первый из них известен серьезным подходом к проблеме светотени, исследованием цветового потенциала атмосферы в живописи, а также мастерством в изображении игры света и сумерек. Вторым художником являлся выдающимся колористом, в чьем стиле соединились

фламандская чувственность и отвечающая романтическому духу дистанция созерцания. Так же синтетичен и стиль Г. Иванова, поскольку, несмотря на заявленный уход от символизма и переход в акмеизм, символистское начало продолжает питать его раннюю лирику, точная формула которой приводится в статье «Поэтические сборники Георгия Иванова 1910-х годов: пути творческого самоопределения»: «...будучи акмеистической по форме, по характеру своего «подводного течения» она ближе к символизму, о чем с такой регулярностью «проговаривается» последняя строка» [5]. Фундамент поэтического мира Иванова – контраст. И так как быт, равно как и бытие, раскрывается в поэтически живописном мире Иванова при помощи света и цвета, то, прежде всего, это контраст красок, например, холодных и теплых («В окна светит вечер алый / Сквозь деревья в серебре», «На золотистую плетенку / Уселся сизый голубок»), контраст света и тени («При свете звезд, в большом порту... А вдали / Чернели молча корабли», «При свете ламп – не видим тьмы»), контраст фактур (мягкость зеленого шёлка и твердость мебели в стихотворении «Пожелтевшие гравюры...»), контраст земного и небесного, выражающего двоякое и ироничное отношение к небесному символистскому («В окне – фигуры ветел / Обрызганных луной», а затем обращение: «Но я не вспоминаю / Давнишнего, Луна»). Контрастность общей палитры текста коррелирует с контрастностью тона: так, например, неторопливое описание интерьера оканчивается шутливо («Ах, зачем Наполеону / Подрисованы усы!»).

Единству и цельности сборника «Вереск», помимо преобладающего метода контрастной светописи, способствует внутренняя логика развития минорной темы, и это движение так же маркировано светом и цветом. Постепенно торжественные эпитеты, связанные с ностальгией по прошлому словно бы выцветают, лирический герой прощается с ним. Здесь стоит сравнить янтарное золото в начале сборника, неторопливое «фламандское» вос-

приятие жизни, радость неразделенности быта и бытия – с бледной желтизной в конце. Прошлое остается в прошлом, картина мира не будет прежней, герой зреет и отказывается от ограниченного эстетства, приходя к «пустому небу». Уже в начальных стихотворениях «Вереска» звучат ноты, предвещающие будущий надлом, не услышанные современниками за изящными драпировками изысканных красок, за игровой наивностью лирического голоса:

Стало дышать трудней и слаще...
Скоро, о скоро падешь бездыханным
Под звуки рогов в дубовой чаще
На вереск болотный – днем туманным!

Последняя строка дала название всему сборнику, и внутренний вектор его – движение вниз, к земле, как летит опадающий лист. «Осенняя» тема оркеструется обилием золотой, жёлтой и медной краски, и эти цвета значительно преобладают в общей палитре. Гамма «Вереска» довольно разнообразна, и хотя оттенки зелёного встречаются в ней, вопреки ожиданиям, не так часто, неудивительно, что вторым по частотности цветом является розовый и различные его вариации (розово-серый, лилово-розовый), ведь вереск цветёт розоватыми соцветиями до поздней осени. Синий цвет используется сравнительно редко, в основном, оформляет природный фон, небо, голубой появляется еще реже для того, чтобы, например, обозначить цвет глаз бога, белый нужен автору для создания сакрального пространства («белый неведомый скит»), а оттеняют эти цвета серый и черный. Важно отметить, что золотой и жёлтый в рамках художественного мира Г. Иванова зачастую являются противоположными семантическими полюсами. Так, золотой цвет имеет положительные коннотации: это золото старинных гравюр, теплое солнце, идиллическая картина милого прошлого, что особенно проявляется в «изобразительном» цикле внутри сборника. Наиболее иллюстративным примером, на наш взгляд, являются следующие строки:

Заря шафранная – в бассейне догорая –
 Дельфину золотит густую чешую
 И в бледных небесах искусственного
 рая
 Фонтана легкую, чуть слышную
 струю.

Детально рассмотренная материя эстетически преломляется и осмысливается в контексте искусства, и потому так дорога лирическому герою, пусть здесь он и занимает созерцательную позицию (1 тип лирического субъекта, наблюдаемый в «Вереске» [6, с. 156]). Изображаемый мир – камерный, замкнутый, это «вселенная в капле воды», остановленное мгновение; во всём стихотворении всего лишь один глагол «золотит» и одно деепричастие «догорая», что означает неподвижность и отсутствие времени как такового, что подчеркивается пространственными координатами: взгляд движется от плиты – к верхушкам деревьев – опускается в бассейн – снова поднимается в небо. Главным центром притяжения здесь становится образ зари, отраженной в бассейне: единство пространства земного и небесного. Соотношение этих плоскостей будет по-разному отображаться в стихотворениях сборника, так, например, иной взгляд связан с семантикой жёлтого цвета в рамках поэтического мира Г. Иванова.

Желтый может быть вполне нейтральным цветом, обрисовывающим сцену (желтый песок, зеленая вода), он просто очерчивает земные пределы, ограничивает сушу от неба и воды. Так происходит, например, в стихотворении «Как хорошо и грустно вспоминать...»:

Зеленая вода – блестит в окне,
 Желтеет берег с неводом и лодкой.
 Хоть солнца нет, но чувствуется мне
 Так явственно его румянец кроткий.

Жёлтый – цвет устойчивый, но не глубокий, здесь он символизирует простоту и основательность устроенного быта. Однако, по нашим предположениям, Г. Иванов вкладывает намёк на возможное противопоставление жёлтой краски «жизни трудовой / Спокойной и заманчиво нехрупкой» и смоляной (ассоциации смола –

янтарь, густой, насыщенный цвет в противовес «плоскому» жёлтому) устремленности к лучу, идущему над этим бытом (с этим, вероятно, и связан грустный и лиричный тон стихотворения). Однако по мере развития образов, неоднократно возникнут неожиданные коннотации: «обрыва желтизна», «желтое пустое небо». Теперь это не просто знак реального в противовес золоту символистского «реальнейшего», но предвестие будущих экзистенциальных поисков. Наиболее ярко подобная трансформация проявляется в известном стихотворении – «Горлица пела, а я не слушал». Сопоставим вторую и четвертую строфы:

Порою казалось, что милым, скучным

Дням одинаковым потерян счет
 И жизнь моя – ручейком незвучным
 По желтой глине в лесу течет.

Здесь лирический герой задумывается о «земном», при этом жёлтый имеет исключительно негативную трактовку: ручеек не звучит, он безголос, а на глине ничего не растёт, то есть жизнь в таком ключе оказывается бесплодной. Теперь обратимся к последней строфе:

Ты понимаешь — тогда я бредил.
 Теперь мой разум по-прежнему мой.
 Я вижу солнце в закатной меди,
 Пустое небо и песок золотой!

В финальной строке стихотворения поэт объединяет два контрастных цвета, тем самым примиряя, соединяя символистские корни с акмеистскими вершинами, обретая надежду на выход из состояния «неба пустоты».

Помимо светописи, пространство лирики Г. Иванова организуют постоянные образы, связанные со светом. Наиболее важными из них следует назвать образ луны и звёзд. По отношению к первому Г. Иванов использует как традиционные эпитеты («румяная», «розоватая», «туманная»), так и неожиданные («дымная и плоская») или уникальные (октябрьская луна «притягивает» смутно-тревожный контекст). Луна как собеседник или же как знак тихой внутренней жизни (наравне со звёздами), противопоставленная всему

слишком земному, предстает, например, в стихотворении «Визжат гудки. Несется ругань с барок...», а луна как знак прошлых заблуждений – в стихотворении «Песня». Остановимся чуть более подробно на мысли о противопоставлении мечты и реальности, которые маркируются контрастом света и тени в стихотворении «Отрывок». Жаркий июльский день в его осязаемости и приземленности противопоставлен ночи:

Не убежал. Пылит жара,
А путь и долог и уныл.
Невольно вспомнишь вечера
Те, что в Марсели проводил,
При свете звезд, в большом порту.
Лелеял смутную мечту
О южных странах. А вдали
Чернели молча корабли.

Вся строфа – контраст: солнце – звезды, скука – мечта, земля – вода. Юноша Джи мечтает о приключениях и большой любви, которая сама по себе – мечта, грёза, сон: «Но видел взгляд — звезду в воде». Эта звезда, с одной стороны, путеводная, а с другой стороны, постоянно напоминает о проблеме совмещения быта и бытия, о трудности достижения гармонии. Однако в «Вереске» есть стихотворение «Пустынна и длинна моя дорога...», в

котором звезда, наоборот, знак идеального мира:

И дальше, там, где вестницею ночи
Зажглась шестиугольная звезда,
Глядят на землю голубые очи,
Колышется седая борода.

Согласно «Энциклопедии символов» Рошалья, шестиугольная звезда «символизирует совершенное равновесие, иногда считается символом человеческой души» [7], что означает новый поворот на пути лирического героя к самому себе.

Таким образом, светопись и красочные фактурные образы – неотъемлемые черты художественного мира лирики Г. Иванова раннего периода, позволяющие выстроить особый хронотоп, который реализует концепт «мир как искусство». Свет организует пространство, настраивает фокус, оформляет камерность и цельность поэтической вселенной, а цвет в данной системе координат позволяет выразить авторские акценты, отношение поэта к реалиям, стоящим за конкретными «вещными» образами. Сопоставив семантику золотого и жёлтого цветов в неоднородном контексте сборника «Вереск», мы пришли к выводу о том, что особенности поэтического мышления Г. Иванова отражаются во взаимодействии и синтезе красок в его лирике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьев А. Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. URL: https://booksafe.net/read/arev_andrey-zhizn_georgiya_ivanova_dokumentalnoe_povestvovanie-171988.html#p83 (дата обращения: 22.12.2021).
2. Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenafly: Эрмитаж, 1989. 190 с.
3. Крейд В. Георгий Иванов. URL: https://royallib.com/read/kreyd_vadim/georgiy_ivanov.html#0 (дата обращения: 22.12.2021).
4. Иванов Г. Собр. соч. в 3 т. Т.1. М.: «Согласие», 1993. URL: <http://morett.ru/poems/texts/givanov/veresk.htm#7> (дата обращения: 22.12.2021).
5. Семина А. Поэтические сборники Георгия Иванова 1910-х годов: пути творческого самоопределения // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. № 3. С. 24-32.
6. Семина А. Эволюция лирического самовыражения Георгия Иванова./ Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): V Международная научная конференция; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016: Материалы конференции. Ред. – сост. Леденёв А.В., Спиваковский П.Е. М.: МАКС Пресс, 2016. 379 с.
7. Энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 1007 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ar'ev A. Zhizn' Georgija Ivanova. Dokumental'noe povestvovanie. URL: https://booksafe.net/read/arev_andrey-zhizn_georgiya_ivanova_dokumentalnoe_povestvovanie-171988.html#p83 (data obrashhenija: 22.12.2021).
2. Krejd V. Peterburgskij period Georgija Ivanova. Tenafly: Jermitazh, 1989. 190 s.
3. Krejd V. Georgij Ivanov. URL: https://royallib.com/read/kreyd_vadim/georgiy_ivanov.html#0 (data obrashhenija: 22.12.2021).
4. Ivanov G. Sobr. soch. v 3 t. T.1. M.: «Soglasie», 1993. URL: <http://morett.ru/poems/texts/givanov/veresk.htm#7> (data obrashhenija: 22.12.2021).
5. Semina A. Pojeticheskie sborniki Georgija Ivanova 1910-h godov: puti tvorcheskogo samoopredelenija // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2016. № 3. S. 24-32.
6. Semina A. Jevoljucija liricheskogo samovyrazhenija Georgija Ivanova./ Russkaja literatura XX–XXI vekov kak edinyj process (problemy teorii i metodologii izuchenija): V Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija; Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 8–9 dekabnja 2016: Materialy konferencii. Red. – sost. Ledenjov A.V., Spivakovskij P.E. M.: MAKS Press, 2016. 379 s.
7. Jenciklopedija simbolov / sost. V.M. Roshal'. M.: ACT; SPb.: Sova, 2008. 1007 s.

Поступила в редакцию 15.06.2022.

Принята к публикации 19.06.2022.

Для цитирования:

Кушлак В.О. Свет и цвет в поэзии Георгия Иванова: на примере поэтического сборника «Вереск» // Гуманитарный научный вестник. 2022. №6. С. 128-133. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/06/Kushlak.pdf>